НИК. ОЦУП

ГРАД

ЦЕХ ПОЭТОВ · 1922

ГРАД

НИКОЛАЙ ОЦУП

ГРАД

СТИХИ

ПЕТРОГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЦЕХА ПОЭТОВ»
1921

Р. В. Ц.
Напечатано в количестве 1000 экз.

Посвящаю моей жене

Гремел сегодня ночью гром
И прыгал град в потоке
И молния большим прыжком
Качнула ствол высокий.

И в ту же ночь меня томил
Тяжелый бред: корнями
Опутан я, и сети жил
Обожжены огнями.

Я черным деревом стою
Обугленный и ветхий,
И продолжают жизнь мою
Раскинутые ветки.

А в вышине, где птичий свист
Где не плясало пламя —
Еще дрожит зеленый лист —
Трепещущая память.

НА ДНЕ

О, если здесь такая непогода,
Что ж на море, где ветер сам не свой?
Сирена тонущего парохода
И стон дождя и волн гортанный вой!

И скользкое бревно обняв за шею,
Глотая волн кипящее вино,
Я не могу дышать и цепенею,
И смытый наконец иду на дно.

Я двигаюсь и я дышу не скоро,
Как ерш на суше раскрываю рот,
Гигантский краб Казанского Собора
Меня в зеленой тине стережет.

Шевелятся мохнатые колонны,
Проваливаюсь в лужу до колен,
От бури жмурясь длинные тритоны
Плюются пеной с почерневших стен.

Но кто-то любит и кому-то жалко,
И кто-то помолился обо мне,
Проходит в дождевом плаще русалка,
Стихает буря — радуга на дне.

1921 г.

О, кто мелькнув над лунной кручей,
Встревожив облачную стаю,
Летит к земле звездой падучей
И крылья воздух освещают.

Нырнули в бездну голубую
Домов чудовищные тени,
С трудом дыша, на мостовую
Упал и гаснет лунный гений.

Привыкший в небе к бездорожью
Он на торцы ступить не может,
Его знобит предсмертной дрожью,
К нему торопится прохожий.

Вот вспыхнул, вот померк от муки
Безглазый, сморщенный калека,
И жадно голубые руки
Цепляются за человека.

Прохожий полчаса возился,
Как будто сделанный из ваты
Вставал калека и валился,
«А ну тебя, сморчок крылатый!»

На Спасской флигелек кирпичный
И дворник у ворот зевает,
Жена напрасно суп черничный
На примусе разогревает.

Прохожий, уходи скорее...
«А жалко, что городовые
Повымерли», и вдруг на шее
Он слышит пальцы голубые.

Растаяли дома сначала,
Как дым разлуки на пероне,
Растаял мост, вода канала,
Нагие отроки и кони.

Зачем луне душа живая?
Жену давно долит дремота,
И дворник, сотый раз зевая,
Встает чтоб затворить ворота.

1921 г.

Теплое сердце брата укусили свинцовые осы,
Волжские нивы побиты желтым палящим дождем,
В нищей корзине жизни — яблоки и папиросы,
Трижды чудесна осень в бедном величьи своем.

Медленный листопад на самом краю небосклона,
Желтизна проступила на теле стенных газет,
Кровью листьев сочится рубашка осеннего клена,
В матовом небе зданий желто-багряный цвет.

Желто-багряный цвет всемирного листопада,
Запах милого тленья от руки восковой,
С низким поклоном листья в воздухе Летнего Сада,
Медленно прохожу по золотой мостовой.

Тверже по мертвым листьям, по савану первого снега,
Солоноватый привкус поздних осенних дней,
С гиком по звонким камням летит шальная телега,
Трижды прекрасна жизнь в жестокой правде своей.

30 Августа 1921 г.

ЛЮБОВЬ

Снова воздух пьяного марта,
Снова ночь моего обручения.
Селениты на крыше играют в карты
И я попросил разрешения.

У теплой трубы занимаю место,
Голоса звенят колокольцами:
«Пять алмазов... на карте ваша невеста».
Пальцы крупье с белыми кольцами.

Дворники спят. Ворота закрыты.
Свет погас за окошками.
«Дама бубен» — кричат Селениты
Голубые, с длинными ножками.

Небо лунную руку простерло,
Страшный крик за оградою
Я хватаю крупье за горло
И прямо в прошлое падаю.

Навстречу зимы летят снежками,
Царскосельские зимы, синие.
Первая любовь с коньками
И шубка в вечернем инее.

В черном небе ветки и гнезда,
Прыгнет белка снежок осыпав...
Ближе, ближе... Тускнеют звезды
От каблуков и обозных скрипов.

Ближе... Винтовка и песни в вагоне,
В колокол трижды ударили,
Плачет женщина на перроне,
Провожая глазами карими.

О, берег серпуховской квартиры,
После моря такого бурного.
Очнулся и слышу звоны лиры
С потолка лазурного.

Мне ли томиться лунной любовью?
Сердце. Солнце мое беспощадное!
Елена, девственною кровью
Утоли мое тело жадное.

1921 г.

Е. Люком

Я этим грезил до сих пор,
Ты лучшими владела снами.
Черти последний приговор
Тупыми легкими носками.

О, лебединый сгиб руки,
И как заря колен дыханье,
Сереброкрылые значки,
Небесное чистописанье.

Одна душа за всех плывешь
И каждая душа на сцене
Не помнит ярусов и лож,
Качаясь чайкой в белой пене.

Уже над нежною толпой
В сто тысяч вольт пылают свечи,
И слава солнечной фатой
Покрыла матовые плечи.

Торговец тканями тонкинскими,
Штанами хрустнув чесунчовыми,
На камень сел, шоссе сыреет
И легкий вечер пахнет маками.

Как на фарфоровом кофейнике
Простые травы веют Азией, —
Репейник за спиной тонкинца
Канаву делает Китаем.

Две дачницы с болонкой розовой
Проходят по шоссе: «Дитя мое,
Я ложа брачного с китайцем
Не разделяла бы, хотя...»

ТВОЕ ИМЯ

Луна населена словами:
В кустах шарики-ежи,
На льдах томные моржи,
На ветвях соловьи и кукушки
А имя твое — царица слов,
Живущих в лунных морях.
Царице морской
Прислуживают дельфины:
Слава, любовь и левкой.

Дао изначальный свет
Желтую бросает тень,
Если ты большой поэт —
На тебе почиет вень.

Ветки легкие олив
Или северной сосны
Для тебя гиероглиф
Желтой райской вышины.

Ты не пробуй разбирать,
Хитрых знаков не пытай,
Только сердцем надо знать,
Что и в небе есть Китай!

Е. А. П—ой

* * *

В голубом прозрачном крематории
Легкие истлели облака,
Над Невою солнце Евпатории,
И вода светла и глубока.

Женщина прекрасная и бледная
У дубовой двери замерла,
Сквозь перчатку жалит ручка медная,
Бьет в глаза нещадный блеск стекла.

«Милое и нежное создание,
Я сейчас у ног твоих умру,
Разве можно бегать на свидание
В эту нестерпимую жару?

Будешь ты изменой и утратою
Мучиться за этими дверьми,
Лучше обратись скорее в статую
И колонну эту обними!»

Дверь тяжелая сопротивляется,
Деревянный темнокрасный лев
От широкой рамы отделяется
И увещевает нараспев:

Он и сам меняет очертания
Город с длинным шпилем золотым.
Дождь над Темзой, север — Христиания,
А сегодня виноградный Крым!

Скоро осень и у нас, и за морем,
Будет ветер над Невой звенеть,
Если тело можно сделать мрамором,
Ты должна скорей оцепенеть!

Все равно за спущенными шторами
Он совсем не ждет твоих шагов,
Встретишься с уклончивыми взорами
И вдохнешь струю чужих духов.

Женщина к колонне приближается,
Под горячим золотым дождем,
Тело, застывая, обнажается
И прожилки мрамора на нем.

Будет он винить жару проклятую
И напрасно ждать ее одной,
Стережет задумчивую статую
У его подъезда лев резной.

1921 г.

Цветут видения — так хочешь ты, душа,
Когда же ты молчишь, сиянием дыша,
Сквозят видения нежнее дымки слабой,

И часто в дождь и ветр средь вянущих болот
С глазами жадными, раскрыв широкий рот,
Моя душа сидит коричневою жабой.

Всю комнату в два окна,
С кроватью для сна и любви,
Как щепку несет волна,
Как хочешь волну зови.

И, если с небом в глазах
Я тело твое сожму,
То знай: это только страх,
Чтоб тонуть не одному

СОН

Я проснулся, крича от страха,
И подушку и одеяло
Долго трогал руками, чтобы
Снова хобот его с размаха
Не швырнул меня прямо в небо
Или в сумрак черной утробы.
Никого с такими клыками
И с такими злыми глазами
Я не видел, о я не видел,
И такого темного леса
И такого черного страха
Я не ведал, о, я не ведал.
Я зажег свечу и поставил
Трепетно к изголовью...
Чтоб утишить биенье сердца
Взял трактат о римском праве
И раскрыл его на «условье
Действительной купли-продажи».
Я пошел и жены, спокойно
Спавшей, волосы поцелуем
Шевельнул и вернулся тихо,
Но едва задремал я, бурно
Зазмеился песок, волнуем
Винтообразным ветром.

Длинношеюю голову скрыл я,
И мою двугорбую спину
Охватило ветром свистящим
И от свиста стал я змеиться
И пополз удавом в долину
И проснулся вновь настоящим.
Но подумал, строгий и гордый:
То далекой памяти море
Мне послало терпкие волны.
Разрывая тела и морды,
Море памяти мне отворит
Настоящее счастье жизни.

Анатолию Колмакову

ВОЙНА

Араб в кровавой чалме на длинном паршивом верблюде
Смешал караваны народов и скрылся среди песков
Под шопот охрипших окопов и кашель усталых орудий
И легкий печальный шорох прильнувших к полям облаков.

Воробьиное пугало тщетно осеняет горох рукавами:
Солдаты топчут пшеницу, на гряды ложатся ничком,
Сколько стремительных пуль остановлено их телами,
Полмира пропитано дымом словно густым табаком.

Все одного со мной сомнительного поколенья,
Кто ранен в сердце навылет мечтой о крававой чалме,
От саранчи ночей в себе ищите спасенья
Воспоминанья детства зажигайте в беззвездной тьме!

Вот царскосельский дуб, орел над прудом и лодки,
Овидий в изданье Майнштейна, растрепанный сборник
задач,
В нижнем окне сапожник стучит молотком по колодке,
В субботу последний экзамен, завтра футбольный матч.

А летом балтийские дюны, янтари и песок и снова
С молчаливыми рыбаками в синий простор до утра!...
Кто еще из читателей «Задушевного Слова»
Любит играть в солдатики?... Очень плохая игра...

1921 г.

Мне детство приснилось ленивым счастливцем,
Сторожем сада Екатеринина,
Ворота «Любезным моим сослуживцам»,
Поломан паром, и скамейка починена.

Пройдет неспеша по скрипучему снегу
В тяжелой овчине с заплатами козьими,
А время медлительно тащит телегу,
И блещет луна золотыми полозьями.

Я сам бы на розвальнях в небо поехал,
А ну ка заложим каурого мерина...
Ворота открыл, из пахучего меха
Посыпались звезды... Дорога потеряна.

В пустой океан на оторванной льдине
Блаженно, смертельно и медленно едется,
Ни крыши, ни дыма в зияющей сини...
Эй шуба, левее... Большая Медведица...

Куда мои сани девались и льдина,
Разрезала воздух алмазная палица,
Хватаю себя — рукавицы, овчина
И лед под ногами... А если провалится?

1921 г.

Я приснился себе медведем
И теперь мне трудно ходить —
Раздавил за столом тарелку,
А в ответ на нежный укор
Проворчал: «Скорлупку ореха
Я не так еще раздавлю!».
Даже медом грежу я, даже
Лапу сунул в рот и сосу.
Что же делать в этой берлоге,
Где фарфоровые сервизы
Не дают вздохнуть от души?
Уведи меня, Варя, в табор, —
С безымянного пальца скинув,
В нос продень кольцо золотое
И вели мне плясать под песни,
Под которые я мурлычу,
И сейчас у тебя в ногах!
О теперь я совсем очнулся:
Больше я не медведь, но кто я?
Отрок радостно подраставший
На парадах в Царском Селе?
Или юноша — парижанин,
Проигравший деньги на скачках,
Все что брат прислал из России,
Где его гвоздильный завод?

Или тот, кто слушал Бергсона
В многолюдном колледже, или
Тот, кто может писать стихи?
Маленькая, ты не поверишь,
Что медведь я и парижанин,
Царскосел, бергсонист, писатель
И к тому же я сумасшедший,
Потому что мне показалось,
Что и Нельдихен — это я!

АЭРОПЛАН

В древности Виланд в птичьих перьях,
Дедал на тающих крылах —
В средневековых же поверьях
Ведьмы летали на козлах...

Тщетно гадал седой алхимик,
Лучше летать учил колдун:
В кожу втираньями сухими
Под заклинанья слов и струн.

Если когда и мог присниться
Под небеса задутый шар,
Но не такая — ужас — птица
В туче не больше чем комар.

В страхе друзьям дикарь расскажет:
Клювом неистово вертя,
Не трепеща крылами даже,
Птицы — чудовища летят.

Сверху хозяин — европеец,
Завоеватель, бог, пилот,
Ветер подмяв, под небом реет,
Сам направляя птичий лет.

Вот он согнулся, в пропасть глядя,
Смерть или руль в руке держа...
Как хорошо гудит в прохладе,
Блещущий солнцем круг ножа!

1918 г.

Сергею Оцуп

АВТОМОБИЛЬ

Яростный рев сомкнутых уст,
Гневная дрожь, рванул, понес,
И на песке примятом хруст
Мягких и розовых колес.

Сердце исправное стучит,
Клапанов мерен перебой,
Сверху для бега все ключи:
Сердце стучит само собой!

Только столбов мгновенный ряд,
Да ворчунов-прохожих злит
Голубоватый едкий яд,
Долго не тающий в пыли.

Сколько тяжелых как слоны,
Легких и быстрых как челнок,
Как они могут звать и ныть,
Как у них много быстрых ног.

Фары горят, стучит скелет,
Газы упругие пыхтят,
Только тягучий едкий след,
Только столбов мгновенный ряд.

1919 г.

Синий суп в звездном котле,
Облаков лимонные рощи,
А на маленькой круглой земле
Едет жучок — извозчик.....
«Погоняй, извозчик скорей...
Направо... у тех дверей!..»

«Дай-ка сдачи! Ну же, проснись!..»
Фонари у парадного стойла,
Но клячонка глянула ввысь
И хлебнула небесного пойла...
Сдачи? Неуловима, нет,
Еле зримая пыль монет!

Только бы устоять на ветру,
Сдунет, сдунет с земли покатой
В синюю, как море, дыру
С западной каймой розоватой...
Тонет, тонет в котле золотом
Мой извозчик с тонким кнутом!

Вот еще колея и грязь —
Все следы осеннего плача —
Но мелькнули спицы, взнесясь,
Как комарик пискнула кляча...
Я один на гладкой земле —
Крошка хлебная на столе.

Больше не вздремнет у ворот
Мой неуследимый извозчик,
Звездочету ли брань пошлет
В телескоп голодный и тощий?
Чуть приметна колес стезя...
Верно и в телескоп нельзя?..

Улетай, улетай, улетай!
Устою ли, к дверям прижатый2
Как песчинка сам внезначай
Пролечу по земле покатой,
Словно сахар в горячей мгле
Распущусь в золотом котле.

В легко подбрасывающем автомобиле
Губы его изредка закрывали мои глаза,
«Для любви, для любви этот шелест несущих
крылий»
Быстро летящим шопотом он сказал.

Пробегали над нами смеясь деревья,
Но строгая не улыбалась звезда,
И вдруг я увидела дым кочевья,
Где это тело расцветало, не знаю когда.

Как по звездной, золотистой нитке
Память искрой взбежала. Вспыхнул дымный луг,
И луна заглянула в качаемый полог кибитки,
Где глаза мои смуглый и белозубый целует друг.

КОНЦЕРТ

Дрогнули два-три листочка липок,
Мы глаза смежили от жары,
И вступили голосами скрипок
В первую сонату комары.

Самого взыскательного слуха
Эти скрипачи не оскорбят,
Внятно на виолончели муха
Заиграла около тебя.

Море и песок сухой и мелкий,
И на рампе миллион свечей,
Замирают медные тарелки
Чуть позванивающих лучей.

Дирижер скрывается за краем
Облаков, уже пора назад....
Где-то брызнуло собачьим лаем
И веселым хохотом солдат.

ЭЛЕГИЯ

О, жизнь моя. Под говорливым кленом
И солнцем проливным и легким небосклоном
Быть может ты сейчас последний раз вздыхаешь,
Быть может ты сейчас как облако растаешь...
И стаи комаров над белою сиренью
Ты даже не вспугнешь своей недвижной тенью,
И в небе ласточка мелькнет не сожалея
И не утихнет шмель вокруг цветов шалфея.

О жизнь! С дыханьем лондонских туманов
Смешался аромат Хейямовских Диванов.
Джульета! Ромео! Веронская гробница
В цветах и зелени навеки сохранится.

О, жизнь моя. А что же ты оставишь,
Студенческий трактат о Цизальпинском праве,
Да пару томиков стихов не очень скучных,
Да острую тоску часов благополучных,
Да равнодушие у ветренной и милой,
Да слезы жаркие у верной и постылой,
Да тело тихое под говорливым кленом
И солнцем проливным и легким небосклоном..

ОСЕНЬ

I

Осень осыпает листья —
Отменили трамвайные билеты.
Пороша по первопутку —
Нафталин отрясается с шубы,
Ее достают из красного
Сундука, где она лежала летом —
Даже заяц к зиме красит шкуру!
Слишком долго домов не чинили —
Оползают песчаные дюны,
Осыпается штукатурка —
Ветер времени стены обветрил —
Это осень, Елена!
Я спешу в осеннем трамвае,
Он осыпал листья билетов,
И стоит кондуктор, как дерево
Голое под влажным ветром.
Покрывая птичий дискант
И позваниванья трамвая,
Слева ухнул каменный бас:
«Ты скажи, дом Зингера с шаром
Прозрачным на руках у женщин
Над стеклом и железом крыши,

Любишь ли ты позднюю осень?»
И с пролета передней площадки
Гранитный дом Вавельберга
Мне сверкнул озерами стекол
Зеркальных с переливами такими,
Как на глади озер Женевских,
Когда в их холоде зыбком
Радуга изогнется.
Я услышал ответ, Елена:
«Мы ничем не хуже Монблана,
Может быть, поменьше и только,
Жаль тебе осеннего снега?
Пусть и наши кряжи белеют!
Есть архангелы-небоскребы
В райских кущах Нью-Йорка —
Эти не чета Гималаям:
Поживей каскадов брюзгливых
Освежают их паровозы —
На плато бетонных площадок
Садятся гарпии — птицы —
И проглатывают шум и ветер
Стальными клювами — винтами!
Мы печами делаем лето.
В наших раковинах плачет осень!
И я слышал, где-то на Охте
Фабрика одобрительно завыла
Протяжным гудком вечерним:
«Да, мы лучше гор сотворенных
Косолапым отцом Вселенной!»
А дома вздохнули так громко,

Как пролетный ветер в ущелье
Вздохами морского прибоя.
Ветер распластался словами:
«Для Поэта, Бога и Неба
Одинаковы и бессмертны
Здания и снежные кряжи,
Улицы и легкие реки,
Листопад, отмена билетов,
Нафталинный снег и пороша!»
Так я встретил осень, Елена!

II

Ты не слышала тяжких камней,
Только ветер с моря коснулся
Ситцевых занавесок белых
В окне деревянного дома
Против Тучкова Буяна.
Ты томилась встречей осенней,
И дрожью милой газели
Трепетало легкое тело
С родинкой на левой груди!
Жаль, что утром плохо кормили
Голубым электрическим сеном
Добрые стада трамваев
И они от голода стали,
Грустно глядя друг другу под номер.
Мне пришлось по талому снегу
Хлюпая, пешком пробираться
К этой густолиственной сени

Голубых с цветами обоев,
К шелковой мураве дивана!
Нацеди из ключа кувшина
Мне холодной влаги: устал я,
Пробираясь к милой дубраве.
Ах, костер развела ты в печке!
Сядем на пол, красный от света,
Дай мне руки: осень шагает
По зеленым Невским зыбям,
А мы с тобою, как будто
Негр и негритянка
Под летним потолком неба
У костра африканской луны.
Ведь для негра мускусный запах
Кожи милой и шлепающие губы —
Такая же дорога к бессмертью,
Как для меня завиток волос
Твоих — за коралловым ухом;
Где кожа так душно пахнет,
Как дорожки «Летнего сада»:
Червонной вервеной листьев,
В холодеющем ветре поэм,
Осенних поэм,
Елена!

1920 г.

В ДЕРЕВНЕ

I

Как папиросная бумага листья
Шуршат, я под навесом крыши в глине,
Зеленой рамой охватившей стекла
Воды, — стою над зыбким отраженьем
Своим и наклонившейся избы
И думаю об Анатоле Франсе.

Когда в лицо мне веет ветер свежий
Весенними холодными полями,
Иль, повернув глаза к уютным хатам,
Слежу прогромыхавшую телегу, —
Над этой простодушною природой
Истории я слышу шумный лет.

В обыкновенной русской деревушке
Всемирные виденья воскресают
И если верить кругу превращений
(А я не верю) здесь найдется даже
Аббат с непостоянством роялиста
Принявший облик русского попа.

В воспоминании французских строчек
Я даже место нахожу свое —
Поэта - зрителя и мещанина,
Спасающего свой живот от смерти,
И прохожу в избу к блинам овсяным
Крестьянина — Вандейскаго потомка.

II

Собака лает на телегу так же,
Как петухи на колесницу Феба,
Катящуюся в небесах, — средь лая
И звонкогорлых песен петушиных,
На медленно всходящий красный шар
Мы едем, я и мой хозяин рядом.

Когда он огибает льдистым кровом
Одетый грязный ручеек дорожный,
Мне кажется, что мету об'езжает
На колеснице римлянин в тунике,
Которая по случаю мороза
Обращена в запашистый зипун.

Куда мы? — спрашиваю я у ветра,
Но ветер выше глинистой дороги
И наших подорожных направлений,
И только проходящая корова,
Остановившись за большой нуждою,
Задумчиво и медленно мычит.

Мы говорим о людях и о Боге,
Придумавших друг друга, и о том,
Что без пяти коров вести хозяйство
Невыгодно.... Качается телега
И лошадиный хвост и две ноги
Над проползающей назад дорогой.

III

Проснулся на душистом сеновале....
Уже три дня я ничего не помню
О городе и об эпохе нашей,
Которая покажется наверно
Историку восторженному эрой
Великих преступлений и геройств.

Я весь во власти новых обаяний
Открытых мне медлительным движеньем
На пахоте навозного жука.
В тот миг под пахаря земля бежала,
Ложась свежо слоистыми пластами
Направо от сверкающей дуги.

Тот человек простым и мудрым делом
Усердно занятый, забыл наверно,
Что мы живем в особенное время,
А я тем более: мое вниманье —
На дерне срезанном со мною рядком,
Где медленно ползет навозный жук.

Какие темно-синие отливы,
Какая удивительная поступь,
Как много весу в этом круглом теле,
Переломившем желтую травинку,
И над глазами золотые брови
Я кажется заметил у него.

Он копошился, я его потрогал,
И пробуждение земли весенней
Почуяла горячая ладонь,
А ухо, вместо рассуждепий мудрых
О переменах, различило ропот
От крыл быстро-летящих диких уток.

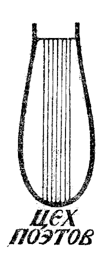
1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

ЦЕХ
ПОЭТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЦЕХА ПОЭТОВ»

АЛЬМАНАХ КНИГА I. (ДРАКОН).

Стихи:

Георгий Адамович, Александр Блок, Н. Гумилев, Мих. Зенкевич, Георгий Иванов, М. Кузмин, М. Лозинский, О. Мандельштам, Ник. Оцуп, Всев. Рождественский, Федор Сологуб, М. Тумповская.

Поэмы:

Н. Гумилев, С. Нельдихен, Ирина Одоевцева, Ник. Оцуп.

Статьи:

Андрей Белый, Н. Гумилев, О. Мандельштам.

АЛЬМАНАХ КНИГА II.

Стихи:

Георгий Адамович, Н. Гумилев, Мих. Зенкевич, Георгий Иванов, М. Лозинский, О. Мандельштам, Ирина Одоевцева, А. Оношкович-Яцына, Ник. Оцуп.

Поэмы:

Петр Волков, Н. Гумилев, Л. Линавский, Сергей Нельдихен, В. Познер. Критика. Последние стихи Н. Гумилева.

Н. ГУМИЛЕВ. Шатер. 1921 г.

НИК. ОЦУП. Град. 1921 г.

АЛЬМАНАХ КНИГА III *(печатается)*.

СЕРГЕЙ НЕЛЬДИХЕН. Органное многоголосье *(печатается)*.

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ. Возвращение Орфея *(готовится)*.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ. Стансы *(готовится)*.

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА. Ангел. *(готовится)*.

НИК. ОЦУП. Большая Медведица. *(готовится)*.